

К основам текстологии памятников рунического письма

И.Л. Кызласов

Институт археологии Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
ORCID ID: 0009-0002-6635-2511
(E-mail: kyzlasovil@mail.ru)

«Мы должны помнить, что орхонские каганы
были современниками первых каролингов,
строивших государство франков».
Н.Н. Козьмин, 1934 г.

ARTICLE INFO

Ключевые слова:
рунические
письменности,
орхонские и
енисейские
тексты, содер-
жание и форма
эпитафий, проб-
лема авторства,
профессионализм
писцов и резчиков,
сакральные
протошлы
протографов,
деревянные
письменные
документы,
енисейские нас-
кальные надписи,
молитвенная
природа
граффити,
манихейская
книжность,
письменная
культура.

МРНТИ 03.20.00

DOI: <https://doi.org/10.32523/2664-5157-2026-2SI-116-142>

АННОТАЦИЯ

Свидетельства грамотности и образованности носителей азиатского рунического письма содержатся уже на первых известных науке каменных стелах Второго Восточнотюркского каганата на Орхоне в первую треть VIII века. На памятниках Уйгурского каганата стоят отметки нескольких поколений их создателей, подтверждая наследственное существование особого профессионального сословия, видевшего своё предназначение в умственной деятельности и образованности. Подобно прочим литературным языкам древности и средневековья, литературная письменная речь – руническое койне – возросло на почве устной наддиалектной речи, основой которой был язык не только эпической, но и культовой поэзии. Многочисленные енисейские эпитафии, создававшиеся с VIII по XII век едва ли не в честь каждого удельного князя Древнехакасского государства, сберегли в строе и содержании своих скорбных текстов один из видов такой обрядовой поэзии – погребальные плачи. Енисейские памятные надписи выявили глубинные корни и изначальную святость древнего проторунического жреческого письма. Они сохранили древнейшую форму былых рунических письменных документов: на камнях отразились особенности облика тех черновиков, которые несли записи текстов, переносимых на памятные стелы. Протографами камнеписных эпитафий были исписанные со всех сторон деревянные стержни и несущие строки лишь на одной стороне плоские деревянные планки, связываемые по краям шнурами или ремешками. Не может быть сомнения, что устное

койне очень рано приобрело в пратюркских обрядах письменную форму. Весьма значим особенно архаичный способ письма по восходящей лесенке (тексты читались от нижней строки к верхней). Поскольку именно этот способ письма и чтения сохранился как среди енисейских, так и среди орхонских эпитафийных памятников, он, несомненно, восходит к их общему и древнему прототипу. С приходом манихейства в Уйгурское и Древнехакасское государства местные рунические письмена стали официальной письменностью этой книжной религии. Создавались монашеские общины, распространялась грамотность. При сохранении древнего почитания земли в форме поклонения горам и скалам, на них появились многочисленные рунические молитвенные надписи. В целом основы рунической текстологии распадаются на области в соответствии с жанровой принадлежностью письменных памятников: эпитафийные тексты орхонской и енисейской традиции, а также несколько разновидностей наскальных религиозных надписей: индивидуально молитвенного и широкого проповеднического содержания.

I.L. Kyzlasov

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

ORCID ID: 0009-0002-6635-2511

(E-mail: kyzlasovil@mail.ru)

On the basics of textual criticism of Runic inscriptions

«We must remember that the Orkhon Khagans
were contemporaries of the first Carolingians,
who built the Frankish state»
N.N. Kozmin, 1934

Abstract. Evidence of literacy and education among speakers of the Old Turkic runic script is already attested in the earliest known stone steles of the Second Eastern Turkic Khaganate along the Orkhon River, dating to the first third of the eighth century. Monuments of the Uyghur Khaganate bear traces of multiple compositional layers, suggesting the hereditary continuity of a distinct professional class engaged in intellectual and educational activity. As with other literary languages of antiquity and the Middle Ages, the written literary language, often referred to as a runic koine, emerged from a supra-dialectal oral tradition, grounded

Received 24 February 2026. Revised 27 March 2026. Accepted 29 April 2026. Available online 30 June 2026.

Для цитирования: И.Л. Кызласов К основам текстологии памятников рунического письма // Turkic Studies Journal. 2026. Т. 8. № 2SI. С. 116-142. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2026-2SI-116-142>

For citation: I.L. Kyzlasov On the basics of textual criticism of Runic inscriptions // Turkic Studies Journal. 2026. V. 8. № 2SI. P. 116-142. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2026-2SI-116-142>

not only in epic poetry but also in ritual and cultic poetic forms. Numerous Yenisei epitaphs, produced between the eighth and twelfth centuries in honour of various members of the ruling elite of the Old Khakass state, preserve within their structure and content elements of such ritual poetry, particularly funeral laments. The Yenisei memorial inscriptions reflect the deep historical roots and perceived sacral status of the ancient Proto-Runic scribal tradition. They preserve features of the earliest stages of runic textual production, in which stone inscriptions reflect earlier draft versions of texts originally composed on portable writing materials. The presumed prototypes of these stone epitaphs include wooden rods inscribed on all sides, as well as flat wooden tablets bearing inscriptions on a single surface and bound at the edges with cords or straps. It is highly probable that oral koine traditions acquired written form at an early stage within Proto-Turkic ritual practice. The archaic writing technique characterized by a vertical progression (“ascending ladder” structure, in which texts are read from bottom to top) is particularly noteworthy. Since this feature is attested in both Yenisei and Orkhon epitaphic monuments, it likely derives from a common and ancient prototype shared by these traditions. With the spread of Manichaeism in the Uyghur and Old Khakass polities, local runic scripts came to be used within a literate religious environment. Monastic communities were established, and literacy became more widespread. While traditional reverence for natural elements such as mountains and rocks persisted, numerous runic prayer inscriptions were produced on such surfaces. In general, the foundations of runic textual criticism may be divided according to the genres of written monuments, including Orkhon and Yenisei epitaphic texts, as well as various types of rock inscriptions, such as individual prayers and more broadly didactic or homiletic texts.

Keywords: runic scripts, the Orkhon and Yenisei inscriptions, the content and form of epitaphic texts, the problem of authorship, the professionalism of scribes and carvers, the sacred prototypes of proto-writing, wooden written documents, Yenisei rock inscriptions, the devotional nature of graffiti, Manichaean book culture, written culture.

И.Л. Кызласов

Ресей ғылым академиясының Археология институты

Мәскеу, Ресей Федерациясы

ORCID ID: 0009-0002-6635-2511

(E-mail: kyzlasovil@mail.ru)

Руналық жазу ескерткіштері мәтінтануының негіздері

«Орхон қағандары франктар мемлекетін
құрған алғашқы каролингтердің замандастары
болғанын біз есте тұтуға тиіспіз».
Н.Н. Козьмин, 1934 ж.

Аннотация. Азиялық руна жазуын тұтынушылардың сауаттылығы мен білімдарлығының дәлелдері VIII ғасырдың бірінші ширегіндегі Екінші Шығыс түркі қағанатының Орхон бойында орналасқан ғылымға белгілі тасбітіктерінде-ақ кездеседі. Ұйғыр қағанатының ескерткіштерінде оны жасаушылардың бірнеше буынының белгілері

бар; бұл өз мұратын ой еңбегі мен білімділіктен тапқан айрықша кәсіби сословиенің мұрагерлік жолмен өмір сүргенін айғақтайды. Ежелгі және орта ғасырлардағы басқа да әдеби тілдер сияқты, жазба әдеби тіл – руналық койне – негізі тек эпикалық тіл ғана емес, сонымен қатар культтік (діни-жоралғылық) поэзия тілі болған диалектіаралық сөйлеу тілінде қалыптасты. VIII-XII ғасырлар аралығында Ежелгі Хакас мемлекетінің әрбір дерлік үлестік кінәзінің құрметіне тұрғызылған көптеген Енисей эпитафиялары өздерінің азалы мәтіндерінің құрылымы мен мазмұнында осындай ғұрыптық поэзияның бір түрі – жоқтау сарындарын сақтап қалған. Енисейлік ескерткіш жазулары ежелгі проторуналық абыздық жазудың терең тамырлары мен әуелгі киелі сипатын айқындап берді. Олар байырғы дәуірдегі руналық жазба құжаттардың ең көне пішінін сақтап қалған: ескерткіш бағандарға түсірілетін мәтіндердің негізі болған алғашқы нұсқалардың тұрпаттық ерекшеліктері тас бетінде көрініс тапқан. Тасқа қашалған эпитафиялардың протографтары – барлық жағы жазумен шимайланған ағаш жұмыршақтар мен мәтін жолдары тек бір бетіне ғана түсіріліп, жиектері баулармен немесе таспалармен өзара бекітілген жалпақ ағаш тілімшелер болды. Ауызша койненің ілкі түркілік жоралғыларда өте ерте кезеңде жазбаша қалыпқа түскеніне еш күмән жоқ. Әсіресе өрлемелі баспалдақ түріндегі (мәтіндер төменгі жолдан жоғары жолға қарай оқылатын) архаикалық жазу тәсілінің маңызы өте ерекше. Жазу мен оқудың дәл осы тәсілі Енисей және Орхон эпитафиялық ескерткіштерінің екеуінде де сақталғандықтан, олардың ортақ және ежелгі прототипке барып тірелетіні сөзсіз. Ұйғыр және Ежелгі Хакас мемлекеттеріне манихейлік енген соң жергілікті руналық жазулар бұл кітаби діннің ресми жазу жүйесіне айналды. Монахтық қауымдар құрылып, сауаттылық жаппай таралды. Жерді қастерлеудің таулар мен жартастарға табыну түріндегі ежелгі салты сақталғанымен, енді олардың бетінде рунамен жазылған көптеген мінәжат мәтіндері пайда болды. Тұтастай алғанда, руналық мәтінтанудың негіздері жазба жәдігерлердің жанрлық сипатына қарай келесі салаларға жіктеледі: орхон және енисей дәстүріндегі эпитафиялық мәтіндер, сондай-ақ жартастағы діни жазулардың жеке мінәжаттық және кең ауқымды уағыздық мазмұндағы бірнеше түрі.

Кілт сөздер: руникалық жазулар, Орхон және Енисей мәтіндері, эпитафиялардың мазмұны мен формасы, авторлық мәселе, бітікшілер мен шеберлердің кәсібилігі, протографиялардың қасиетті прототиптері, ағаш жазба құжаттары, Енисей тас жазбалары, граффитидің табыну сипаты, манихейлік кітап мәдениеті, жазба мәдениеті.

Введение

Текстология как специальная область филологической науки на первый взгляд не применима к памятникам рунического письма тюркоязычных народов раннего средневековья. В подавляющем большинстве творения той эпохи весьма лаконичны, подчинены строгому построению и устойчивым формулам. Вполне понятно, что поныне они не воспринимаются как литературные тексты. Непривычна для нас и обычная их камнеписность, сохранившая доднесь этот вид древней грамотности.

Казалось бы, разрозненность и краткость письменных памятников не оставляет в рунологии места для изучения их вариантов. Разве только установление точности немногословных текстов, намеренно на века врезанных в камень, остается важнейшей

частью работы с ними. Именно так был поставлен вопрос при введении в сводное палеографическое исследование главы «Начала рунической текстологии». Выделялись пять специальных источниковедческих этапов, обязательных для начального постижения рунического текста: поиск письменных памятников в их естественном окружении, изучение оригинала и его фиксация, палеографическое определение надписи, прочтение, анализ содержания и формы текста (Кызласов И.Л., 1994: 168-207).

Однако в отношении эпохи рунического письма нами должно изначально осознаваться основное: письменности нет вне обучения. Не будем также забывать, что уже в VIII в. это письмо фиксирует различные самостоятельные алфавиты: орхонский, енисейский, таласский. Равно как и устоявшуюся литературную речь, лишённую не только говорных, но и диалектных различий – сложившееся за неведомый по длительности предшествующий период общетюркское койне, литературный международный язык раннего средневековья (Тенишев, 1976; 1979; 1988; 2005), общий как для орхонских, так и для енисейских надписей VIII-XII (а то и XIV) веков (Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994). Задача этой работы – показать текстологические подходы, приложимые к наиболее кратким руническим памятникам. За неимением более древних в них, конечно же, следует искать отзвуки предшествующего состояния и письма, и речи, и культуры, но черпать прямо из них изначально неверно.

Материалы и методы исследования

Важно оговорить еще одно базовое для нашей науки положение. За каждым азиатским руническим алфавитом, бытовавшим в раннее средневековье, стоят самобытно развивавшиеся культуры, своеобразно выраженные средствами письма. Любой из этих отдельных письменных миров – орхонский, енисейский, таласский – требует своего специального изучения не по отдельно взятым историко-географическим областям (как ныне нередко принято), а полного глубокого изучения, целиком охватывающего пределы его реального распространения и всех сфер его былого применения.

Степень исследованности

В августе 1721 г. европейская наука в лице Д.Г. Мессершмидта, впервые вступив на Енисее на земли хакасов, лишь за три года до этого присоединённые к России, обнаружила там памятники рунической письменности. Лишь в 1818 г., благодаря Г.И. Спасскому, стало известно о существовании таких же надписей на скалах по р. Чарышу на Алтае. Через 158 лет, в 1879 г., Г.Н. Потанин обнаружил первый памятник рунического письма в Туве. И лишь еще 10 лет спустя, в 1889 г., в результате сделанных Н.М. Ядринцевым в Монголии находок, научный поиск вышел за пределы Саяно-Алтайского нагорья. В 1890, а затем и в 1891 г., стелы на Орхоне были изучены и скопированы финской и русской экспедициями, а изданные в 1892 г. их точные воспроизведения позволили датскому профессору В. Томсену уже к концу 1893 г. раскрыть тайну столь долго молчавших письмен. Узнав значения букв, также много сделавший для их дешифровки В.В. Радлов сумел в течение 2 месяцев прочесть один из этих огромных текстов, насчитывавший более 4 тысяч знаков (ныне всемирно знаменитый, он оказался посвященным тюркскому витязю Кюль-тегину). Через 2 года,

в 1895 г., российский академик предоставил науке прочтения и переводы всех древнетюркских рунических надписей, известных к тому времени. Так победоносно закончился для нашей отрасли науки XIX век.

Не только на протяжении XVIII, XIX и XX столетий, но и по сей день основное изучение памятников азиатского рунического письма ведется языковедами-тюркологами. Лишь с трудов А.Н. Бернштама в 1940-х гг. начинается исследование исторических событий, упомянутых на орхонских стелах, достойно продолженное с 1960-х гг. его знаменитым учеником С.Г. Кляшторным. Что же касается истории культуры тюркских народов раннего средневековья, обильные свидетельства которой содержатся в камнеписных текстах орхонского и енисейского письма, то эти труды выпали на плечи археологов, и со второй половины XX в. получили особое развитие ближе к его последнему десятилетию. Палеографические работы привели к осознанию официального использования в государствах Южной Сибири и Срединной Азии разных алфавитов, восходящих к древнему общему корню, а затем историзм восприятия письменной культуры распространился на показательные явления ее существования в общественной среде эпохи (Кызласов И.Л. 1990; 1994; 19996).

Все еще не придается особого значения условиям нанесения изучаемых надписей. Этим игнорируется сам факт их создания не в келейно-кабинетной, а в природной среде. При таком подходе эпиграфический памятник воспринимается исключительно как текст, теряя сущностные качества, явленные в самом акте применения письменности и вынесения его в природу. По сути и эпитафийные стелы и наскальные надписи исключаются из живой ткани письменной культуры создававшего их общества, отторгаются от тех форм духовности, которые определяли и причину, и смысл нанесения камнеписного текста.

Анализ

Материалы орхонского письма

1. Авторские тексты Второго Восточнотюркского каганата

Воздавая дань основоположникам рунической филологии, в рамках избранной нами темы назовем, прежде всего, имена В. Томсена и В.В. Радлова, создавших условия для прочтения рунических памятников, а также А. фон Габен и И.В. Стеблевой – впервые в науке специально изучавших их как свидетельства становления и раннего развития древнетюркской литературы (Gabain, 1964; Габен, 1986; Стеблева, 1963; 1965; 1976; 2007; 2012: 8-55).

На орхонских мемориальных стелах Второго Восточнотюркского каганата впервые появляются, как известно, имена создавших памятные надписи авторов¹. *Bu bit(i)g: bit(i)gmä: (a)tiši: joll(i)γ: t[iḡ(i)n]* ... «Эту надпись написавший (есть) его внук (~ племянник) Йоллыг-тигин...» – звучит подпись под так называемой малой надписью в честь Кюльтегина (стк. 13). Имя автора (букв. Удачливый Принц) точнее выписано на стесанной угловой грани стелы (К I, как полагают, юго-западной): ... *bit(i)d(i)m: joll(i)γ: tiḡ(i)[n]*

¹В транскрипциях надписей в круглых скобках помещены буквы, пропущенные на руническом письме, в квадратных – не сохранившиеся, домысливаемые знаки и комментарии, подчёркнутая пара букв передаёт один знак оригинала. Памятники енисейской письменности обозначаются сокращённо: Е с порядковым номером по сводным изданиям (Малов, 1952; Древнетюркский словарь, 1969; Васильев, 1983).

«... я написал, Йоллыг-тигин» (Радлов, 1892: табл. XIX). На другой грани есть более пространная приписка: *bunča: bit(i)g: bit(i)gmä: kul tig(i)n: (a)tisi: joll(i)γ: tig(i)n: bitid(i)m: jig(i)rmi: kün: ol(u)r(i)p: bu t(a)šqa: bu tamqa: qoop: jol(l)(i)γ tig(i)n bitid(i)m:* «Столь (большую) надпись написавший (это) я, внук (~племянник) Кюль-тегина Йоллыг-тигин, написал. Двадцать дней просидев (за работой), на этот камень, на эту стену (храма) я, Йоллыг-тигин, все написал» (Мелиоранский, 1899: 78, К II). Имя этого аристократа связано и с памятной стелой Бильге-кагана, на стесанном ребре которой есть следующая запись: ...*[bilgä]: q(a)γ(a)n: b[it(i)gin] jol(l)(i)γ tig(i)n: bit(i)d(i)m: bunča: b(a)rqiγ: b(e)d(i)z(i)g: uz(i)γ ... [bilgä] q(a)γ(a)n: (a)tisi: jol(l)(i)γ tig(i)n: m(e)n: a(j) (a)rtuqi: tört kün: ol(u)r(i)p: bitid(i)m: b(e)d(i)zt(i)m* «...[надпись] [Бильге]-кагана я, Йоллыг-тигин, написал; столь много: здание, резьбу и украсы ... я, внук (~ племянник) [Бильге]-кагана Йоллыг-тигин, месяц и четыре дня просидев (за работой), написал и вырезал» (Малов, 1959: XI).

Так перед нами предстает человек, для длительной (по крайней мере, с 732 по 735 гг.) и продолжительной (по 20-32 дня) весьма своеобразной деятельности которого было явно недостаточно одной лишь грамотности. Создание огромных текстов, каждый из которых насчитывал более 4,5 тысячи знаков, требовало, как сугубо филологических, так и (исходя из содержания) исторических знаний, а разработанность их языка и стиля, композиционного и художественного построения, их ритмизованная системность (Стеблева, 1963; 1965; 1976: 8-114) выявляют не только личный дар, но и владение высокой литературной традицией, отличающей, к слову сказать, и другие крупные орхонские тексты. Во истину не только современникам, но и 1200 лет спустя университетски образованным потомкам в равной степени было ясно, что Йоллыг-тегин, «более чем грамотный человек» (Козьмин, 1934: 266). Говоря о возможностях рунологической текстологической работы, будем иметь в виду, что таков лишь один из многих образованных деятелей Второго Восточнотюркского каганата, имена которых не сохранила история.

Обсуждая тему авторства крупных памятников орхонского письма, необходимо обратить внимание и на иное обстоятельство. Нередко эти тексты, повествующие от первого лица, на деле оказываются составлены другими людьми – на той же стеле Бильге-кагана, автор которой нам известен, встречаем прямые слова умершего: *b(e)ngü: t(a)š toqitd(i)m.... toqitd(i)m: bitid(i)m ...* «Я приказал воздвигнуть (этот) памятник... Я приказал воздвигнуть и написал...» (Xb, стк. 15), и здесь же: ... *t(a)bγ(a)č q(a)γ(a)nta: b(e)d(i)zči[g]: qoop k(e)lürt(i)m: m(e)n(i)η s(a)b(i)m(i)n: sim(a)dī..* «Многих резчиков от китайского императора я доставил... моих слов они не исказили» (Xb, стк. 14). То же самое от имени Бильге-кагана утверждается и в отношении памятника Кюль-тегину (малая надпись, стк. 10-13): ...*n(e)η n(e)η: s(a)b(i)m: (e)rs(ä)r: b(e)ngü: t(a)šqa: urt(i)m* «Всё, что у меня было сказать, я вырезал на вечном камне», *[t(a)bγ(a)]č: q(a)γ(a)nta: b(e)d(i)zči: k(e)lürt(i)m: b(e)d(i)zt(i)m: m(e)n(i)η: s(a)b(i)m(i)n: sim(a)dī: ... : b(e)ngü t(a)š: toqitd(i)m* «От китайского императора я привел резчика и я вырезал (эту надпись), моих слов он не исказил... я приказал воздвигнуть памятник».

Однако автоэпитафий не составляли на будущее даже образованнейшие тюрки – нередко в нашей литературе мнению о заранее написанном самим Тоньюкуком памятном тексте противоречит содержание стк. 58 его стелы, где применен тот же побудительный залог, что и у Бильге-кагана: ...*bititd(i)m: b(e)n bilgä tonjuquq* «...я, мудрый

Тоньюкук, приказал написать (это)». На стеле Ихэ-Хушоту отдельной горизонтальной строкой у основания камня прямо указано, что памятная надпись сделана в честь конкретного лица: *küli cur b(i)t(i)g(i)n b(i)t(i)d(i)m* «Я, написал надпись Кюли-чура»².

Сопоставление текстов в интересующей нас части (а на стелах Кюль-тегина и Бильгекагана местами совпадает от 10 до 20-30 строк) не только не оставляет сомнений в едином авторстве Йоллыг-тегина, но и выявляет несомненную специализацию составителя подобных памятных, обращенных в вечность текстов историко-эпического и героико-биографического характера. Образованных деятелей Второго Восточнотюркского каганата, работавших над составлением памятных древнетюркских надписей, было, конечно, немало, но имена их не сохранила история. За этим стояла необходимость прижизненного сбора сведений о деяниях будущих персонажей их камнеписных произведений. Именно об этой специальной деятельности авторов эпитафийных текстов свидетельствуют стк. 27-28 стелы Кюли-чура: *b(e)nt(i)r b(e)n(i)m bilm(ä)z: b(i)l(i)g(i)n: b(i)ltük(i)m(i)n: ödük(i)m(i)n: bunča: b(i)tig: bitid(i)m* «Я, Бентир, написал столь большую надпись, (содержащую) сведения, мне самому не известные, и то, что я сам знал и помнил» (Clauson, Tryjarski, 1971: 21, 22, 30).

Если Бентир есть имя собственное, как полагали Дж. Клосон и Эд. Трыярский, то перед нами единственное неаристократическое имя автора орхонских эпитафий. Важно, что оно не вступает в противоречие со смыслом приведенной выше стк. 29 этого текста. Нетитулованные имена создававших надписи резчиков известны. Скорее всего, эти люди все же имели высокий общественный статус и нередко были авторами сакральных камнеписных текстов. Пример встречаем в надписи на барельефной стеле Ихе-Асхете, которая несет явные следы неоднократного посещения этого памятника и его вторичного эпиграфического использования (Кызласов И.Л., 2022а: 29, рис. 3). Для рунической надписи не было места на общей площади, она вырезана на двух уцелевших частях бортика рельефа и от его угла меняет направление. Для нас важна строка, считающаяся третьей, как и иные авторские подписи, нанесенная отдельно от текста: (3) *(a)zγ(a)n(a)z (e)r: (a)γ(i)r: b(e)d(i)sm(i)s* «(Это) муж Азганаз хорошо вырезал» (ср.: Малов, 1959: 44, 45).

2. Авторские тексты Уйгурского каганата

Несмотря на уничтожение Второго Восточнотюркского каганата уйгурами в 745 г., в новом государстве Центральной Азии осталось прежним не только расположение столичного центра, была сохранена и традиция орхонского рунического письма. При обращении к эпитафиям Уйгурского каганата в поисках авторства камнеписных текстов возникает уже знакомая картина.

Подпись создателя многострочной Терхинской стелы (50-е гг. VIII в.) поставлена внизу камня сзади на его постаменте (Кляшторный, 1980: 84, 92, 94, рис. 1, 2, табл. 1, б). Судя по имени и вырезанной под ним тамге, этот человек был аристократом: *bunī j(a)r(a)t(i)γta: bōkā tut(a)m* «Тот, кому выпало соорудить это – Бёке Тутам». Вельможа, названный в основной надписи, напрасно принят издателем текста за его

² Эта фраза, правильно истолкованная предшественниками (Clauson, Tryjarski, 1971: 30 – «...Küli: Çor's inscription»), была точно скопирована только К. Сартхожаулы, но сопровождается старой транскрипцией (*bitig* вместо *bitigin*), хотя грамматически верна в переводе на казахский язык (Жолдасбеков, Сартқожаулы, 2005: 331, 340, 343, 344; Сартқожаулы, 2019: 474, 486, 487). Ср.: (Жолдасбеков, Сартқожаулы, 2006: 333, 342, 346).

автора (Кляшторный, 1980: 85, 89, 91, 93, стк. 14: ... *(a)nta t(e)gdi: buni j(a)r(a)t(i)γma: bilgä qutl(u)γ: t(a)rq(a)n s(e)ñin bunča bod(u)n(i)γ (a)tün jolın*: «...он тогда напал. Тот, кто это соорудил, Бильге Кутлуг-таркан-сёнгун, столь многие народы со славой (победил)»). Против этого говорит не только не подходящий к случаю контекст, но и выявляемая текстами Йоллыг-тегина подобная ситуация, позволяющая видеть здесь имя заказчика работ.

На двух других уйгурских стелах, содержащих крупные, хорошо сохранившиеся надписи, нет подписей их создателей, но у основания памятников стоят личные гербовые знаки их авторов, свидетельствующие о знатном происхождении обоих (Кляшторный, 1980: 95, табл. 2; 1987: 21-23, табл. 2). Сходство облика таких тамг Терхинского памятника и стелы Моюн-чура (Могон-Шине-Усу, 759/760 гг.) указывает на то, что их создатели были родственниками (ср.: Кызласов И.Л., 2004: 115, рис. 7; 2021а: 262, рис. 8, II). Вероятно, здесь следует говорить о фамильном сохранении профессиональных знаний. Сравнение построения, стилистики и лексики памятных текстов в условиях наследственно сохраняемой в нескольких поколениях специалистов-писцов позволяет в рамках рунологии вести серьезную текстологическую работу.

Однако, осмысляя поставленную задачу, оставим теперь в стороне знаменитые орхонские эпитафии VIII в., изначально и по сей день предоставляющие тюркологам – лингвистам и литературоведам – основной источник для постижения речи и письма доисламского времени.

Материалы енисейского письма

1. Традиции енисейских эпитафий

В Древнехакасском государстве обычаи отличались от Тюркского и Уйгурского каганатов. Камни с памятными надписями, выполненными енисейским алфавитом, создавались не отдельным выдающимся деятелям, а едва ли не каждому владельческому князю из правившего в стране аристократического рода Кыргыз. И устанавливались они не близ поминальных храмов, как было в орхонской традиции, а рядом с курганными захоронениями. Енисейские эпитафии бытовали дольше прочих – от второй половины VIII по рубеж XI-XII веков (Кызласов Л.Р., 1960: 95-103, рис. 2, 6, 11-13; 1965: 46-48, приложение; 1969: 114, табл. III, 9, 124, рис. 43-46; Кызласов И.Л., 1981: 206, рис. 74, 1). Они имели официальный статус и создавались по всей территории Древнехакасского государства, с IX века объединявшего все народы Южной Сибири. Ныне известно более 90 енисейских памятных стел из Хакасии, Тувы, Монголии и Восточного Туркестана. В них всегда отсутствуют имена создателей, что, вероятно, объясняется сохранением в южносибирском обществе наиболее архаичных черт. Обсуждая основы рунологической текстологии, именно сохранение древних традиций позволяет обратить особое внимание на енисейские эпитафии.

Камнеписные тексты могли быть очень лаконичными – в одну-две строки, или довольно пространными. Подчиненные древнему канону, они написаны в виде горестного плача, прямо исходящего от лица умершего, лишены психологии рода-племени, сугубо индивидуальны, выдают за высшую ценность имя и доблесть мужа-эра, его семью, личную вотчину, хана-сюзерена, боевых товарищей. И после всего – богатство (коней и скот, но и пашни, деньги и прочее). Создателю надгробного текста недостаточно было знать детали окончившейся жизни и привести перечень того, чего

лишился безвременно ушедший из жизни человек, следовало еще иметь представления о том, как их следует изложить, какими словами передать факты, мысли и чувства. Для этого применялись особые, устойчивые фразы и словесные формулы, а сам текст строился по принципу параллелизма – основному художественному приему тюркской устной и письменной речи. Это позволило тюркологам считать их «кладбищенской поэзией» или эпитафийной лирикой (Малов, 1952: 8; Стеблева, 1965: 11, 61-63, 65, 97-105, 136-143).

Такова, например, четырехстрочная надпись на стеле Барык III (Тува, Е 7): (1) *b(a)j (a)pa oylī küllüg čur* (2) *buɣusuz ulɣat(t)(i)m buɣ bu (e)rm(i)š* (3) *t(ä)ŋrid(ä)ki künkä j(e)rd(ä)ki el(i)mkä bökm(ä)d(i)m* (4) *kujda qunč(u)j(i)mɣaqa özdä oyl(i)mqa (a)d(i)r(i)ld(i)m* «(1)(Я) сын полководца Бай-апа – Кюлюг-чур. (2) Я вырос без печали, горе (только) было вот: (3) на небе находящимся солнцем, на земле находящимся моим владением я не наслаждался, (4) от моей супруги (живущей) в тереме, (и) от моего родного сына я удалился [букв. был удален, т.е. умер]» (Кызласов И.Л., 2021: 72; ср. Малов, 1952: 22, 23; Аманжолов, 1981: 24, 25; Кормушин, 2008: 98, 99).

Эти произведения своеобразной камнеписной литературы, сохранившей древнюю форму и особенности погребальных плачей (с постоянными ритмическими восклицаниями *jita* «увы», *esizä / esizimä* «о, горе», «о, горе мне»), не только были составлены опытными поэтами и писцами, но и, несмотря на внешнюю непритязательность, высекались только профессиональными каменотесами. Судя по оставшимся на камне следам, каждый раз использовался набор специального инструмента: трех-четырёх зубил и резцов с рабочими концами разной формы. Сравнивая следы работы на разных стелах, несложно заметить, что в каких бы краях ни устанавливали памятник умершему (в Хакаско-Минусинской и Тувинской котловинах или в Монголии), надписи древнехакасской традиции наносились с соблюдением одних общих правил.

Всюду выполнялась одинаковая последовательность рабочих операций. Сначала знаки намечались легкими ударами по инструменту с очень острым коническим концом, затем руны высекались с помощью зубил с небольшим прямым рабочим краем и, наконец, шлифовывались вдоль каким-то узким тёрочником. Словоразделительные отметки, имевшие вид двоеточия, часто наносили после завершения текста, перечитывая написанное и используя зубила с круглым (иногда полым) или овальным концом. Где бы ни велись работы, мастера принадлежали к единой камнеписной школе и обладали одинаковыми профессиональными навыками.

Нельзя не отметить и другую повсеместную особенность. Для нанесения енисейских поминальных текстов избирались лишь уже стоявшие в долинах скульптуры древнейших времен и стелы раннего железного века. До нанесения письмен все они уже были покрыты в степи пустынным загаром, а строки рун нередко перекрывают петроглифы предшествующих веков (Кызласов И.Л., 2021: 79, 153; 2025a: 266, рис. 188, 189). Ни один камень не был в средневековье специально добыт в каменоломнях и не был обработан ради енисейской надгробной надписи. Между тем, как было показано, в то время обработка камня (по большей части довольно мягкой осадочной породы – песчаника или сланца) не представляла для мастера-профессионала особой сложности. Он был способен и снаряжён подготовить и выровнять, но, как видно, не мог себе позволить тронуть древнюю поверхность. Следовательно, облик енисейских эпитафийных стел не служит свидетельством неумелости их создателей, а является весьма устойчивым показателем особенностей присущего им мировоззрения.

Наши предки очень точно именовали поминальные стелы *bengü taş* – «вечный камень», поскольку вечным для них был только камень, изначально, от создания мира стоявший на земле. Таковыми, как видим, они считали даже рукотворные каменные столбы неведомой для них древности. Чтобы создать вечный памятник, им надо было сойтись с подлинной вечностью, не мысля сотворить её. Их представления о вечности отличались от наших и составляли, как можно думать, одну из основных черт общетюркского (еще пратюркского) воззрения о сотворении всего космического и земного (Кызласов И.Л., 2022б).

Установить былой социальный статус каменотесов, высекавших енисейские эпитафии, наука пока не может. Но именно их работа, как оказалось, одновременно с надписью воспроизводила на эпитафийных стелах и облик тех черновиков-протографов, которые предоставлялись авторами поминальных текстов каменотесам-резчикам для нанесения на камни. То были деревянные стержни, определившие четырехсторонность большинства даже кратких енисейских эпитафий, а также подвижно связанные планки, содержавшие рунические строки, переносимые на стелы последовательными рядами. Горизонтальное размещение строк, отличавшее две стелы народа чиков Тувинской котловины (Е 2 и Е 68/1), показало удивительное, непривычное для нас устройство их камнеписного текста. Строки высекались и читались не от верхней к нижней (как их читали все тюркологи), а, наоборот, от нижней к верхней. Такое письмо по восходящей лесенке оказалось присуще половине енисейских стел и всем орхонским эпитафиям (кроме текста Тоньюкука) (Кызласов И.Л., 1998а).

Способ размещения текста *восходящей лесенкой* оказался присущ памятникам всех видов азиатской рунической письменности: и орхонской, и енисейской. Среди последних он также представлен в надписях тувинского варианта, сохраняющего следы наиболее архаичного верхнеенисейского алфавита (Кызласов И.Л., 1994: 117-124, 162, 163, табл. XXXI-XXXIV). Особенно значимо, что применение такого стиля письма связано с самыми консервативными, погребальными и поминальными обрядами. Оба рода наблюдений приводят к одному выводу: с письмом восходящей лесенкой была связана сама неведомая древнейшая проторуническая письменность Азии, послужившая основой всем ныне известным алфавитам.

Пожалуй, зарождение письма восходящей лесенкой представляется логичным лишь, если пишущему и читающему текст всякий раз бывает видна только одна, изолированная его строка. Во-первых, таково письмо на узком, от строки к строке поворачиваемом предмете, будь то граненый стержень или круглая палочка. Привычка к такому порядку письма и чтения при переводе текста на плоский писчий материал и рождает искомую манеру. Вторая ситуация связана с получением многострочного текста последовательным надставлением образующих его строк (по-русски и сегодня говорим о составлении текста). Так будет, если деревянные стержни или плоские планочки с письменами поочередно приставлять друг к другу длинными сторонами. Для удержания в нужной последовательности проще всего нанизывать их на шнурки или перевивать по краям, образуя подобия листов-циновок, набранных из отдельных полос, исписанных с одной стороны. И стержни, и планки, таким образом, восходят к древним учетным храмовым записям, нараставшим при получении каждой новой отметки, перекрывавшей предыдущую (Кызласов И.Л., 1998а; 2020: 9).

Так проступают древние, еще пратюркские жрецы – авторы недошедших до нас первозданных рунических текстов. Хотя показанные древнейшие письменные

документы тюркских народов и по облику, и по размещению строк, как думается, восходят к храмовым записям учетного характера, у нас ныне нет оснований считать, что владевшее рунами жречество было преимущественно занято административно-хозяйственной деятельностью, как это было, скажем, в Древнем Египте. Та область, которая отмечается поминальными руническими памятниками и ощущается по пережиткам глубокой древности, принадлежит к культовой сфере. Создатель каждой енисейской эпитафии предстает перед нами, подобно писцу Египта, как «мудрец, который услышит, что изрекали предки в прошедшие времена» (Коростовцев, 1962: 19), и что произносит, горестно вторя им, душа умершего и окаменевшего витязя.

Строгость, каноничность, явная отработанность енисейских эпитафийных текстов, содержащиеся в них устаревшие слова и древние взгляды, как и сама широта и распространенность обычая их создания, с несомненностью говорят о глубокой, многовековой литературной традиции, своеобразной и самобытной.

Существование профессиональных писцов с неизбежностью ставит вопрос о роли личности автора письменных памятников в истории культуры тюркоязычных обществ не только раннего средневековья, но и глубокой древности. Можно думать, что, как и в других древних обществах, должность писца достигалась человеком в силу личной умелости. Для появления семей, передавших грамотность из поколения в поколение, требовалось, чтобы должность писца была в обществе почетной и приносила достаток, обеспечивающий обучение. Показанные черты орхонских и енисейских памятных стел одинаково свидетельствуют, что если в глубокой древности образованность была присуща особому жреческому сословию, то в раннем средневековье их авторы – литераторы и поэты – принадлежали к аристократии.

Казалось бы, сакральность енисейского эпитафийного письма, его зависимость от древних поминальных традиций, столь строго проявленная в обрядовой каноничности надписей, лишает возможности текстологической работы с ними. Однако именно на этом наиболее консервативном фоне хорошо видны малейшие новации. Среди горестных, но вполне самодовольных, превозносящих умершего строк, встречаем вдруг совершенно иные мотивы. После традиционного перечня доблестей почившего героя, поданого от первого лица, в стк. 16 стелы из Эль-Бажи (Е 68/1, Тува) высечено: ...: *j(a)ŋliq: tōr: teg: (e)rd(i)m* «... я следовал ошибкам, точно ценностям» (Кызласов И.Л., 1998а: 71-73, рис. 4, 6). На западном ребре стелы из урочища Тугутюп (Е 120, Хакасия) во вполне обычной фразе поминального плача разбираем: ... *j(e)r(i)m-ä: (a)šun(i)m-a: bökm(ä)d(i)m* «... О, моей (священной) землѐю, о, моей (греховной) земной жизнью я не наслаждался» (Кызласов И.Л., 1979: 90-96). Наиболее ясно наступившие в южносибирском обществе мировоззренческие перемены проступают в тексте краткой эпитафии Бар-Бургазы I (Горный Алтай), начертанной по нормам псевдорунической орфографии: *оҥа (e)s(i)z(i)m-ä (i)kit (a)z (a)d(i)rti (a)q qujda kiš(i)ŋä (a)d(i)r(i)lt(i)m* «С (моим) князем, о горе, (меня) гибельная алчность разлучила; с (моей) женою (находящейся) в белом тереме я разлучился» (Кызласов И.Л., 1997а: 40-54).

Перед нами мольбы о прощении допущенных заблуждений и прегрешений, признание греховности мира и его обитателей – черты столь свойственные мировым религиям: представления о земных радостях сменились осознанием окружающих пороков, суд человеческий сменился судом божьим. Как ни ограничены эти материалы, они позволяют по-новому понять и содержание стк. 7 енисейской эпитафии из Суджи (Е 47, Монголия) (Ramstedt, 1913: 4, 5, 7, 9; Малов, 1952: 84, 85, 108): *m(a)r(i)ma: jüz (e)r:*

turug: b(e)[r]t(i)m «Моему вероучителю я даровал прибежище на сто человек». Речь здесь идет о закладке монастыря для сотни послушников (Кызласов И.Л., 2025б: 496-499, 501, 504-506, рис. 4, 5).

В сакральность енисейских эпитафий проникла не только новая, но и привнесенная в Южную Сибирь мировоззренческая доктрина. В трех из четырех приведенных текстах встречена заимствованная религиозная лексика западноазиатского происхождения: согдийское слово *ašm*, среднеиранское *az*, сирийское *mar*. Первый термин до сих пор встречался в тюркоязычных мусульманских и буддийских сочинениях, второй – также в буддийских рукописях, третий свойственен манихейству и несторианству. Поскольку несторианское богослужение всюду велось по-сирийски, переводы религиозных сочинений на национальные языки верующих (иранский, парфянский, согдийский, тюркский, китайский и др.) делались с этого языка (Никитин, 1992: 538, 543-549) и отражали сирийские заимствования. Манихейская принадлежность рунической суджинской эпитафии Е 47, речь в которой идет о судье-наместнике в захваченной древними хакасами Уйгурии, стала ясна еще В. Томсену и Г.Й. Рамстедту. Согдийская и иранская терминология прочих надписей не противоречит этому, поскольку хорошо известно не только широкое распространение у этих народов манихейства (зародившегося в Сасанидском Иране в III в., резиденцию своего главы имевшего с VIII в. в Тохаристане, а с X в. в Самарканде), но и особая роль согдийских миссионеров в распространении манихейства в VII и VIII вв. в Восточном Туркестане, Китае и Уйгурском каганате (Литвинский, Смагина, 1992: 522-524), а затем – и в южносибирском Древнехакасском государстве, где на долгие века оно стало официальным вероисповеданием (Кызласов Л.Р., 1984: 146, 147; 1998).

2. Енисейские письма на скалах

С VIII-IX вв. тюркские народы Саяно-Алтайского нагорья, приняв манихейство, впервые стали оставлять на издревле покрытых петроглифами скалах надписи, выполненные енисейскими рунами. По Хакасии, Туве, Горному Алтаю и Монголии их уже известно более 200. Не только вырезанных на подходящих горных плоскостях, но и нанесенных черной и красной тушью с помощью кисти и тростникового пера (Кызласов И.Л., 1994; 1998б; 1999а; 2002; 2003; 2014; 2021б: 96-119). В подавляющем большинстве эти краткие надписи оказались молитвенными и наставительными.

Истоки обычая молитвенного наскального письма, вероятно, могут быть определены довольно точно. Показательно полное отсутствие как в Южной Сибири, так и в Центральной Азии наскальных надписей младшего орхонского алфавита, время существования которого в целом совпадает с победой манихейства в Уйгурском каганате. Такой разительной картины не могло возникнуть, если бы восточное манихейство изначально, с 763 г., несло с собою обряд наскального ритуального письма. Нет манихейских наскальных надписей и в иных пределах первоначального или раннего распространения этой религии – ни на Переднем и Среднем Востоке, ни в Средней Азии. Мы вправе заключить, что обряд нанесения надписей на скалы является характерной особенностью северного, сибирско-тюркского манихейства и сложился он на местной южносибирской почве. Об этом же свидетельствуют и особенности размещения рунических строк на скальных плоскостях с рисунками.

В Хакасско-Минусинской котловине большинство рунических строк встречены на писаницах преемственно связанных культур, начиная с V в. до н.э. и по VIII

в.н.э. Однако надписи никогда не вырезались поверх предшествующих рисунков. Строки идут в стороне или изгибаются между изображениями (Кызласов И.Л., 1994: рис. 18, 21, 22, 25, 39). Видимо, писавшие продолжали считать древние рисунки священными. На Алтае и в Туве картина иная. Рунические надписи, добавляясь к уже существовавшим петроглифам, не нарушают лишь средневековые рисунки, но часто бывают нанесены поверх изображений иных культур (Кызласов И. Л., 2001a: рис. 2, 7). Видимо, традиция рунического письма на скалах сложилась на Среднем Енисее, а затем распространилась на соседние земли Южной Сибири, где она уже не имела связи с поклонением древним петроглифам. Сходным образом надписи на скалах Средней Азии, каким бы руническим алфавитом ни пользовались писавшие, вырезаны близ древних и средневековых рисунков, но всегда нанесены позднее их (Кызласов И.Л., 1994: 282, А 2; 2005: 52, 53, рис. 1, 2, 3, 2, 1, 2), т.е. традиция рунического писания на скалах имеет там сибирское происхождение. Об этом говорит не только появление в Средней Азии и Казахстане ранее не существовавшего феномена наскальных надписей, но и условия их размещения, и характерный облик примененных в них букв.

Енисейские надписи, нанесённые на утёсы, выявляют особое почитание гор, присущее тюркоязычному населению Саяно-Алтая. В ряде текстов горы не только называются священными, но и прямо именуются божествами (*t(ä)ŋr(i)dä*: *qutluγ*: *t(e)bs(e)j*: *t(ä)ŋri* «с неба исходящей благодатью обладающее божество Тепсей [имя горы на Енисее]»). Принадлежа вечности, дням сотворения мира, скалы (*b(e)ŋkü q(a)ja* / *m(e)ŋkü q(a)ja* «вечная скала») служили местом общения верующего с высшим божеством. Судя по расположению на скалах надписей манихейского содержания, новая сибирская религия восприняла эту черту от предшествующего мировоззрения и культа. На это указывают надписи, прямо обращённые к божеству: *t(ä)ŋr(i)m čök bizkä* «Бог мой, снизойди до нас» (Е 36/2), ... *t(ä)ŋr(i)m čök j(e)rk(?)[ä]* «...Бог мой, снизойди на землю» (Е 116) (Кызласов И.Л., 1994: 186-195, 199). Ещё более явный характер носит краткий текст новообращённого манихея на алтайской скале Ялбак-Таш (надпись V): *t(e)g(g)(ä)n(a)t(a)m(e)n(i)ŋ* «Обретённый мой Отец, снизойдите (до меня)» (Кызласов И. Л., 2002: 78-80, рис. 13, 2; 2003: 26-29, рис. 10, 2).

Всё это означает, что доманихейский местный горный культ получил с приходом новой религии письменную форму выражения. Мольбы у издревле священных утёсов продолжали звучать по-прежнему, но изображений на скалы уже не наносилось – в знак свершения обряда оставлялась краткая надпись.

Вероятно, по мнению тюркоязычных верующих, письменное слово сильнее, чем произнесенное, воздействовало на божество или было доступнее ему. Создание наскальной надписи, возможно, отвечало восходящей к зороастризму нравственной манихейской триаде единства помысла, слова и поступка: благой помысел (постижение религиозного закона) порождал благое слово (молитву) и завершался благом делом (начертанием надписи). Неслучайно формула *b(e)n b(i)t(i)d(i)m* «я написал» – вероятно, своего рода представление божеству свершившего ритуал лица – фактически стандартная для наскальных надписей. Только на Алтае, кроме скалы Ялбак-Таш, где она встречена пять раз (стк. XV, XVIII, XIX, XXIII, XXVIII), она известна и для надписей Чарыша, Мендур-Соккона и Бичикту-Бома, применялась и в Хакасии, и в Туве, и в Монголии.

Обычно она сопровождается мужским именем, но бывает и безымянной или анонимно указывает на принадлежность писавшего к греховному и бренному человечеству.

Среди енисейских наскальных надписей отчетливо выделяется группа кратких текстов, содержащих самоуничижительные оценки писавших: *t(ä)ŋri qulī bit(i)d(i)m* «Я, раб божий, написал (это)» (Монголия, Гурвалжин-ула), *isiz qul bitmiš...* «Недостойный раб (божий) написал (это)» (Тува, Хая-Бажи X, Е 24/10). Приведенные строки способствуют верному пониманию упоминаний «презренных», «недостойных», «низких» людей в иных текстах – всюду так выражается осознание религиозной греховности писавшего: *(a)nī b(i)t(i)gli (i)n(a)ŋ in* «Пишущий эту (надпись) Ынанг греховен [букв. низок]» (Хая-Бажи XI, Е 24/11), *jul (a)pa tulu (a)q (a)g* «Вдова Юл-апы, презренная, возвысься!» (Хая-Бажи VIII, Е 24/8), *(e)l j(e)g(ä)n* «(Я –) греховный (~ низкий) Йеген» (Алтай, Ялбак-Таш III) (Кызласов И.Л. 1994: 189, 191, 192, 194, 197, рис. 21, 29; 1997б: 180, 181, рис. 8; 2001а: 245, 246, 257; 2002; 2003).

Именно енисейские наскальные надписи выявляют среди адептов манихейской религии священнослужителей: проповедников и миссионеров. Так, третья строка большой надписи, оставленной пастырем, пребывавшим в пещере горы Тепсей (Хакасия) в ожидании откровения, гласит: *siz(i)ni sözl(ä)ti b(i)tijür b(e)n uqγ(a)lī k(i)sil(e)rkä söz (a)ŋ(a)ju b(e)rd(i)m* «Пребывая в сомнениях, я был вынужден говорить. Теперь же я написал (это), после того, как постиг. На пользу людям я слово постиг». Нанесенная ниже по Енисею двухстрочная надпись на скале Городовая стена позволяет понять, что получение в манихейской общине духовных званий требовало духовного совершенства, отвечавшего гармонии окружающего мира: (1) *(a)lp sol in (a)lγ(i)p ab(a)dγa t(ä)ŋri (a)na kem q(a)tun q(a)b(i)š(i)p jeg (a)sig qilurbiz (a)t jir b(i)z* (2) *b(a)j b(a)r (e)t(t)(i)m* «(1) (Я –) Алп Сол. Когда положен предел греховному (букв. низкому) (и) Небо (~ Бог) и Государыня Мать Кем-река [т.е. Енисей] соединяются в благоустроенности, мы (все) приносим благу [букв. хорошую] пользу и достигаем чинов. (2) (Так) (и) я стал богат». Неслучайно даже форма этого наскального текста, повествующего от лица «нас (всех)» (...*jeg asīγ qilurbiz at jir biz*) совпадает с построением «Покаянной молитвы» манихеев, исходящей из уст широкого круга верующих (Хуаст.: рефрен *ötünür biz* «мы молим») (Дмитриева, 1963: 214-232). Можно допустить, что на енисейскую скалу попала формула из молитвы, рассчитанной на коллективное повторение вслух за читающим ее проповедником (Кызласов И.Л., 2013б). Так в рунологию входит текстология манихейских молитв и гимнов.

С приходом манихейства, апостольской книжной религии, требовавшей грамотности своей паствы – не только мужчин, но и женщин, – письмом на родном языке овладела знать и простонародье, монахи и воины. Задачи этой работы требуют особого нашего внимания к двухстрочной алтайской надписи Ялбак-Таш II/XV: (1) *b(e)n (a)t(a)mači* (2) *b(e)n b(i)t(i)d(i)m b(e)š (i)lä k(i)rgü* «(1) (Поскольку) я не должен произносить имя (Божие), (2) я написал (это) пятью (пальцами), (для того ~ для письма) предназначенными». Оставим в стороне известный факт: ни один манихей не мог знать Наивысшего Имени, и для любого верующего божество оставалось безымянным. С позиции истории культуры наибольшее значение имеет вторая строка камнеписного текста: «Я написал (это) пятью (пальцами), предназначенными (для письма)». Эти 14 рунических знаков выражают целую этическую доктрину. Перед нами нравственность человека, видевшего своё предназначение в овладении знанием и письменностью, т.е. мораль профессионала-интеллигента (Кызласов И.Л., 1999б).

Одним из таких людей на скале Кёк-хая в Хакасии красными чернилами и тростниковым пером была некогда сделана надпись в три строки. У всех них пострадали начальные части, однако во второй строке ясно различима следующая значимая для нас фраза: (2) *(a)l (e)s(i)z: b(a)glig: bu (a)zun: jek (i)nč(?) uqug* «... этот земной мир (~ жизнь) – из разряда обмана и зла, демон, покой(?) (и) разум (~ спокойное разумение)» (Кызласов И.Л., 1994: рис. 14 (прорись); 1998б). Равные по высоте знаки, твёрдость линий, одинаковая их ширина – всё указывает на выработанность почерка писавшего. Округлые окончания штрихов выявляют письмо поллой трубочкой, калямом. Представить себе форму тростникового пера, оставляющего такие следы, вполне возможно, сопоставляя его со средневековыми рукописями. Наскальная надпись выполнена наиболее экономным и скорописным почерком, применявшимся при работе на слух. Красными чернилами или тушью не писали постоянно, ими в религиозных текстах выделяли начальные строки или слова, вызывавшие у писца особое почтение.

Выбор цвета в этом случае нельзя объяснить, однако само применение красного весьма примечательно. Текст на Кёк-хае, несомненно, имел религиозное содержание. Важно, что писчий прибор его автора включал чернила двух цветов – красного и чёрного (поскольку без последнего обойтись было невозможно). Следовательно, в Древнехакасском государстве енисейским руническим письмом создавались двухцветные рукописи. Для создания наскальной надписи нужен был переносной писчий прибор. В него, кроме тростниковых перьев, должны были входить, как минимум, две чернильницы (с красными и чёрными чернилами) и перочинный нож. И то, и другое известно среди курганных находок.

Средневековый профессиональный писец и книжник применил в надписи не только собственно тюркские религиозные понятия *al* «обман, уловка, ухищрение» и *esiz* «скверный, злой; зло», но и характерное для религиозных сочинений устойчивое сочетание с согдийским *bu azun*, имеющее смысл «этот мир, жизнь земная (в противоположность неземной)», как и *jek* «демон» – заимствование из праkritа, разговорного языка Индии (Древнетюркский словарь, 1969: 73, 253).

Учитывая книжную природу пришлой религии, следует понимать, что на Енисее и на Катуні в IX-X вв. люди читали манихейскую литературу о жизни пророка на Евфрате, в Сасанидской империи в III в. н.э. Отныне нельзя не учитывать эту особенность раннесредневековой культуры Сибири. Енисейские рунические надписи не только имеют непосредственную связь, но и сохраняют до нас преобразованные в тюркоязычной среде ближневосточные манихейские книжность и духовность.

Таковы были в раннем средневековье владевшие енисейским руническим письмом миссионеры. Именно ими были оставлены на алтайских утесах две разделенные многими таежными километрами и горными хребтами, но весьма близкие по содержанию, лексике и выраженным мыслям надписи: (1) *j(e)g i* (2) *j(e)g (e)tm(i)š k(i)š(i)l(i)g (e)kg(ä)li t(e)g (i)s(i)ni (i)nč(?) (a)mul²(?) j(i)n (i)ki k(e)z(i)š* «(1) Следуй хорошему (~добру). (2) Доброе сотворив, для того, чтобы как бы посеять человечность, приободрясь, ищи (?) смирения (? ~покоя) и вдвоем [со мною? с богом в душе?] странствуй!» (Бичикту-Бом III), *(i)s(i)ni k(e)z (e)gs(i)km(ä)s(ä)r* «Приободрясь, странствуй – не следует поддаваться (превратностям) [букв. быть сгибаемым]!» (Мендур-Соккон V) (Кызласов И.Л., 2001б).

Полученные результаты

Во времена Второго Восточнотюркского каганата его аристократы переняли китайский имперский обычай водружения памятных стел, заметное китайское влияние испытал на себе облик орхонских эпитафий. Однако орхонские мемориалы сохраняли древнюю руническую письменность тюркоязычных народов, некогда принесенную ими в Восточную Азию. И надписи орхонских стел звучат по-тюркски. Построение и содержание самих памятных рунических надписей также совершенно независимы от китайских текстов.

Так же, как прочие литературные языки древности и средневековья, письменное руническое койне возросло на почве устной наддиалектной речи. Наиболее вероятно, таковой явился язык не одной лишь эпической, но и культовой поэзии. В строе и содержании своих скорбных текстов енисейские эпитафии сберегли один из видов такой поэзии – погребальные плачи. Но поскольку те же памятные камни, как говорилось, сохранили в своем облике внешние особенности деревянных протографов, становится ясно, что устное койне рано приобрело в обрядах письменную форму. Сохраняясь как среди енисейских, так и среди орхонских эпитафийных памятников, способ письма по восходящей лесенке, тем самым, восходит к их общему и древнему прототипу.

Енисейские эпитафии выявляют былую святость проторунического письма, его применение и сохранение в узком и замкнутом жреческом кругу: древнейшие особенности письма и письменные документы архаичнейшего облика не случайно сохранились только в консервативной, насквозь обрядовой области – в поминальном обряде.

Камнеписная орхонская традиция в VIII в. впервые выводит на свет профессиональных писцов и стихотворцев эпитафийных текстов. С приходом манихейства на арену сибирской истории особенно явно выступает образованное сословие, древнетюркская интеллигенция – профессионально подготовленные люди, видевших своё предназначение в духовности, умственном труде и письменности. Широкая для раннего средневековья грамотность населения и привела к многочисленности енисейских рунических памятников. Не будем забывать, что до нашего времени дошла малая часть того, что было в реальной жизни. Енисейская эпиграфика отмечает разнообразное применение письма и вне религиозной сферы, например, для создания на предметах пояснительных, владельческих, фискально-даннических и благопожелательных надписей (Кызласов И.Л. 1994: 199-203; 2021: 120-128; Кызласов Л.Р. 1981: 57, 58, рис. 34). Однако нет сомнения, что в эпоху раннего средневековья наибольшее применение имела религиозная письменность.

Эпиграфические памятники отмечают две области обрядового применения енисейской письменности, порождённые приходом в Древнехакасское государство манихейской религии: эпитафийные надписи на стелах и наскальные написания. Своеобразие их очевидно даже в сравнении с близкородственным миром орхонской камнеписности Центральной Азии, создававшей памятные надписи, но, весьма вероятно, изначально не знавшей культовых начертаний на скалах. Напротив, именно в этих областях енисейской эпиграфики прослеживаются наиболее глубинные черты общетюркской культуры. Тем показательнее здесь и сохранившиеся особенности древнего мировоззрения, и воздействие на развитие письма новой идеологии.

Задача этой работы – показать текстологические подходы, приложимые к наиболее

кратким руническим памятникам, которыми являются разрозненные строки, вырезанные на скалах. Своеобразие такого взгляда очевидно. Оно наполняет новым смыслом само понятие письменного текста как цельного и законченного сочинения. На первый план выступает многократно проявленное единство сакральной письменной культуры, постоянство выстроенных ею культовых словесных формул и фраз. Речь идет о былом массовом распространении единого набора священных обрядовых гимнов, молитв и высказываний, усвоенных и фрагментарно, ситуативно применяемых людьми, получившими общее церковное образование, единственно возможное в то время. Наскальные рунические надписи, изучаемые как обрядовая совокупность, тем самым служат единым контекстом, поясняющим содержание каждой из них в отдельности и смысл создания таковых письменных памятников в целом.

Выводы

Реальные данные и о грамотности, и об образованности носителей азиатского рунического письма убеждают в существовании особого профессионального сословия, видевшего своё предназначение в умственной деятельности и образованности. Эти сферы культуры, действительно, объединяют многовековую историю рунической письменности в одну самобытную эпоху.

Основы рунической текстологии распадаются на отдельные области в соответствии с жанровой принадлежностью памятников орхонского и енисейского письма, будь то эпитафийные тексты двух основных разнонаправленных традиций: величественно государственнической орхонской и персональной удельно-рыцарской енисейской, или наскальные религиозные надписи индивидуально молитвенного, широкого проповеднического и монашески миссионерского содержания.

Как в отношении любой письменной культуры, в отношении рунических камнеписных текстов необходимо учитывать вековечное ученичество. Используя позиции и термины текстологии, пожалуй, можно сказать, что и рунические эпитафии, и наскальные молитвенные надписи в целом являются индивидуальными авторскими списками не дошедших до нас былых канонических текстов, служивших образцами в пору рунического обучения. Даже сквозь лаконичные молитвенные начертания проступает некогда воспринятая писавшими обрядовая упорядоченность.

Литература

Аманжолов А.С., 1981. Тюркская руническая графика. Ч. II (наглядный материал). Алма-Ата: КазГУ. 55 с.

Васильев Д.Д., 1983. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука. 127 с.

Габен А. фон, 1986. Древнетюркская литература. Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М.: Наука. С. 294–344.

Дмитриева Л.В., 1963. Хуастуанифт (введение, текст, перевод). Тюркологические исследования. М.; Л.: Издательство АН СССР. С. 214–232.

Древнетюркский словарь, 1969. Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука. LX + 676 с.

Жолдасбеков М., Сартқожаұлы Қ., 2005. Орхон ескерткіштерінің толық Атласы.

Астана: Күлтегін. 360 б.

Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006. Атлас орхонских памятников. Астана: Күлтегін. 360 с.

Кляшторный С.Г., 1980. Терхинская надпись (предварительная публикация). Советская тюркология. № 3. С. 82-95.

Козьмин Н.Н., 1934. Классовое лицо «Атасы» Йоллыг-тегина, автора орхонских памятников. Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Л.: Издательство АН СССР. С. 259–277.

Кормушин И.В., 2008. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. М.: Наука. 342 с.

Коростовцев М.А., 1962. Писцы Древнего Египта. М.: Издательство восточной литературы. 175 с.

Кызласов И.Л., 1979. Тугутюпская стела с древнехакасской эпитафией. Советская тюркология. № 5. С. 90–96.

Кызласов И.Л., 1981. Аскизская культура (средневековые хакасы X-XIV вв.). Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука. С. 200-207, 247-249.

Кызласов И.Л., 1990. Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического анализа. М.: Институт археологии АН СССР. 179 с.

Кызласов И.Л., 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.: Восточная литература РАН. 327 с.

Кызласов И.Л., 1997а. Стелы с руническими надписями на Алтае. К выделению местных групп енисейских эпитафий. Вопросы тюркской филологии. Вып. III. М.: С. 40–69.

Кызласов И.Л., 1997б. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. T. L., fasc. 1-3. С. 163–184.

Кызласов И.Л., 1998а. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности. Российская археология. № 2. С. 68–85.

Кызласов И.Л., 1998б. Калям на Енисее. Чернильная руническая надпись из Хакасии. Татарская археология. № 2. С. 73-86.

Кызласов И.Л., 1999а. Наскальная история Западной Монголии. Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Тезисы докладов IV международной научной конференции. Томск: Томский ГУ. С. 182–183.

Кызласов И.Л., 1999б. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма. Российская археология. № 4. С. 99–117.

Кызласов И.Л., 2001а. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях). Древние цивилизации Евразии. История и культура. М.: Восточная литература РАН. С. 243–270.

Кызласов И.Л., 2001б. «Добро сотворив, посеять человечность» (Манихейские миссионеры у вершин Алтая). Средневековые древности евразийских степей (Археология восточноевропейской лесостепи, вып. 15). Воронеж: Воронежский ГУ. С. 111–129.

Кызласов И.Л., 2002. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Учебное пособие. Горно-Алтайск: Универ-Принт. 164 с.

Кызласов И.Л., 2003. Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на

горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). М.: Гуманитарий. 112 с.

Кызласов И.Л., 2004. Удаль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран I, пророк Мани и рунические надписи горы Дэл-ула в Монголии). Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.: Институт археологии РАН. С. 104–122.

Кызласов И.Л., 2005. Таласские наскальные надписи. Российская археология. № 2. С. 46–55.

Кызласов И.Л., 2013а. Руническое письмо на скалах: сибирские корни обряда и его распространение в Средней Азии. Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, вовремя и после Великого Шелкового пути. Париж; Самарканд: МИЦАИ. С. 116–121.

Кызласов И.Л., 2013б. Енисейская руническая надпись с иранским заимствованием. Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Бориса Ильича Маршака (1933–2006). Труды ГЭ. Т. LXII. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. С. 266–294.

Кызласов И.Л., 2014. Религиозная природа енисейской письменности. II. Российская тюркология. № 1. С. 52–61.

Кызласов И.Л., 2020. Современные основы тюркской рунологии. *Turkic Studies Journal*. Нур-Султан. № 2. С. 6–14.

Кызласов И.Л., 2021а. Корни башкирской геральдики: аристократические тамги тюркских государств раннего средневековья. Башкиры в контексте междисциплинарных исследований тюркских народов Евразии: Материалы научной сессии по этнической истории и антропологии башкир. Уфа: Самрау. С. 254–267.

Кызласов И.Л., 2021б. Рунические письмена Сибири. Рассказы археолога. М.; Абакан: Хакасское книжное издательство. 160 с.

Кызласов И.Л., 2022а. Почитание военной аристократии в раннем средневековье: свидетельства последующего посещения тюркских мемориалов. Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V междунар. конгресса археологии евразийских степей. В 5-ти т. Алматы; Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана. Т. 3. С. 15–27.

Кызласов И.Л., 2022б. Окаменевшие витязи и миф творения. Степные миры в зеркале археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию ученого-археолога М.К. Хабдулиной. Нур-Султан: ИП ARD-Print. С. 223–235.

Кызласов И.Л., 2025а. Северное манихейство Южной Сибири и Центральной Азии. Книга 1. Первый манихейский храм Сибири. М.: Институт археологии РАН. 310 с.

Кызласов И.Л., 2025б. Выделение земель для манихейских монастырей и храмов (Новое прочтение 7 строки Суджинской стелы). Поворот на Восток. Сборник статей к 70-летию Р.М. Валеева. СПб; Казань: Арт-Экспресс. С. 490–521.

Кызласов Л.Р., 1960. Новая датировка памятников енисейской письменности. Советская археология. № 3. С. 93–120.

Кызласов Л.Р., 1965. О датировке памятников енисейской письменности. Советская археология. № 3. С. 38–49.

Кызласов Л.Р., 1969. История Тувы в средние века. М.: Издательство Московского университета. 212 с.

Кызласов Л.Р., 1981. Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.). Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука. С. 54–59. 101. 144–146. рис. 33,

34.

Кызласов Л.Р., 1984. История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа. 167 с.

Кызласов Л.Р., 1998. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии. Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 3. С. 8–35.

Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л., 1994. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII – начало XV в.). Российская археология. № 1. С. 33–50.

Литвинский Б.А., Смагина Е.Б., 1992. Манихейство. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. С. 508–532.

Малов С.Е., 1952. Енисейская письменность тюрков. М.; Л.: Издательство АН СССР. 116 с.

Малов С.Е., 1959. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Издательство АН СССР. 111 с.

Мелиоранский П.М., 1899. Памятник в честь Кюль-Тегина. Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб. Т. XII. Вып. II–III. С. 1–144.

Никитин А.Б., 1992. Христианство. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. С. 533–550.

Радлов В.В., 1892. Атлас древностей Монголии. Вып. 1. Труды Орхонской экспедиции. СПб.: Типография Имп. Академии наук. Табл. I–LXX + [14 с.].

Сартқожаұлы Қ., 2019. Орхон ескерткіштерінің толық атласы. Т. I. Алматы: Samga Press. 509 с.

Стеблева И.В., 1963. Поэзия орхоно-енисейских тюрков. Народы Азии и Африки. № 1. С. 148–161.

Стеблева И.В., 1965. Поэзия тюрков VI–VIII веков. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 148 с.

Стеблева И.В., 1976. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 214 с.

Стеблева И.В., 2007. Жизнь и литература доисламских тюрков. Историко-культурный контекст древнетюркской литературы. М.: Восточная литература. 208 с.

Стеблева И.В., 2012. Тюркская поэтика. Этапы развития: VIII–XX вв. М.: Восточная литература. 200 с.

Тенишев Э.Р., 1976. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников. Turcologica. Л.: Наука. С. 164–172.

Тенишев Э.Р., 1979. Языки древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте. Вопросы языкознания. № 2. С. 80–90.

Тенишев Э.Р., 1988. Принципы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков. Советская тюркология. № 1. С. 67–78.

Тенишев Э.Р., 2005. История тюркских письменных литературных языков донациональной поры. Эдгем Рахимович Тенишев. Жизнь и творчество. 1921–2004. М.: Инсан. С. 78–91.

Clauson G., Tryjarski Ed., 1971. The Inscription at Ikhe Khushotu. Rocznik Orientalistyczny. T. XXXIV. z. 1. P. 7–33 + 6 pl.

Gabain A. von, 1964. Die alttürkische Literature. Philologiae Turcicae Fundamenta.

Wiesbaden: Otto Harrassowitz. Bd. II. S. 211–243.

Ramstedt G.J., 1913. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. Journal de la Société Finno-Ougrienne. XXX. 3. Helsingfors. S. 1–70, Paste.

Reference

Amanzholov A.S., 1981. Tyurkskaya runicheskaya grafika. Ch. II (naglyadnyj material) [Turkic Runic Graphics. Part II (visual material)]. Alma-Ata: KazGU. 55 p. [in Russian]

Vasil'ev D.D., 1983. Korpus tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov bassejna Eniseya [The Corpus of Turkic Runic Monuments of the Yenisei Basin]. Leningrad: Nauka. 127 p. [in Russian]

Gaben A. fon, 1986. Drevnetyurkskaya literatura [Old Turkic Literature]. Zarubezhnaya tyurkologiya. Vyp. 1. Drerevnie tyurkskie yazyki i literatury [Foreign Turkology. Issue 1. Old Turkic languages and literatures]. Moskva: Nauka. P. 294–344. [in Russian]

Dmitrieva L.V., 1963. Khuastuanift (vvedenie, tekst, perevod) [Huastuanift (Introduction, Text, Translation)]. Tyurkologicheskie issledovaniya [Turkological Studies]. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. P. 214–232. [in Russian]

Drevnetyurkskij slovar' [Old Turkic Dictionary], 1969. Red.: V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak. Leningrad: Nauka. LX + 676 p. [in Russian]

Zholdasbekov M., Sartkozhauly K., 2005. Orkhon eskertkishterining tolyk Atlasy. Astana: Kultegin. 360 p. [In Kazakh]

Zholdasbekov M., Sartkozhauly K., 2006. Atlas orkhonskikh pamyatnikov [Atlas of Orkhon monuments.]. Astana: Kultegin. 360 p. [in Russian]

Klyashtornyj S.G., 1980. Terkhinskaya nadpis' (predvaritel'naya publikatsiya) [Terkhin inscription (preliminary publication)]. Sovetskaya tyurkologiya [Soviet Turkology]. № 3. S. 82–95.

Koz'min N.N., 1934. Klassovoe litso «Atasy» Jollyg-tegina, avtora orkhonskikh pamyatnikov [The class face of “Atasy” Yollig-tegin, the author of the Orkhon monuments]. Sergeyu Fedorovichu Ol'denburgu k pyatidesyatiletiyu nauchno-obshchestvennoj deyatel'nosti. 1882–1932. [To Sergey Fedorovich Oldenburg on the fiftieth anniversary of scientific and social activity. 1882–1932]. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. P. 259–277. [in Russian]

Kormushin I.V., 2008. Tyurkskie enisejskie epitafii. Grammatika, tekstologiya [Turkic Yenisei epitaphs. Grammar, textual criticism]. Moskva: Nauka. 342 p. [in Russian]

Korostovtsev M.A., 1962. Pisty Drevnego Egipta [Scribes of Ancient Egypt]. Moskva: Izdatel'stvo vostochnoj literatury. 175 p. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 1979. Tugutyupskaya stela s drevnekhakasskoj epitafiej [Tugutyup Stele with an Ancient Khakass Epitaph]. Sovetskaya tyurkologiya [[Soviet Turkology]. № 5. P. 90–96. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 1981. Askizskaya kul'tura (srednevekovye khakasy X–XIV vv.) [Askiz Culture (Medieval Khakass of the 10th–14th Centuries)]. Arkheologiya SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya [Archaeology of the USSR. Stepi Eurasia v epokhu srednevekov'ya]. M.: Nauka. P. 200–207; 247–249. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 1990. Drevnetyurkskaya runicheskaya pis'mennost' Evrazii. Opyt paleograficheskogo analiza [Ancient Turkic runic writing of Eurasia. An attempt at paleographic analysis]. Moskva: Institut arheologii AN SSSR. 179 p. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 1994. Runicheskie pis'mennosti evrazijskikh stepej [Runic Scripts of the

Eurasian Steppes]. M.: Vostochnaya literatura RAN. 327 p. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 1997a. Stely s runicheskimi nadpisyami na Altae. K vydeleniyu mestnykh grupp enisejskikh epitafij [Steles with Runic Inscriptions in Altai. Toward the Identification of Local Groups of Yeniseian Epitaphs]. Voprosy tyurkskoj filologii. Vyp. III [Issues of Turkic Philology. Issue III]. M.: P. 40–69. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 1997b. Raznovidnosti drevnetyurkskoj runicheskoy orfografii. Otrazhenie manikhejskoj pis'mennoj kul'tury v pamyatnikakh enisejskogo i orkhonskogo pis'ma [Varieties of Old Turkic Runic Orthography. Reflection of Manichaean Written Culture in Monuments of Yeniseian and Orkhon Script]. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. T. L., fasc. 1-3. P. 163–184. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 1998a. Materialy k rannej istorii tyurkov. III. Drevnejshie svidetel'stva o pis'mennosti [Materials on the early history of the Turks. III. The earliest evidence of writing]. Rossijskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. № 2. P. 68–85. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 1998b. Kalyam na Enisee. Chernil'naya runicheskaya nadpis' iz Khakasii [Kalam on the Yenisei. An Ink Runic Inscription from Khakassia]. Tatarskaya arkheologiya [Tatarian Archaeology]. № 2. P. 73-86. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 1999a. Naskal'naya istoriya Zapadnoj Mongolii [Rock Art History of Western Mongolia]. Prirodnye usloviya, istoriya i kul'tura Zapadnoj Mongolii i sopredel'nykh regionov. Tezisy dokladov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii [Natural Conditions, History, and Culture of Western Mongolia and Adjacent Regions. Abstracts of the IV International Scientific Conference]. Tomsk: Tomskij GU. P. 182–183. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 1999b. Materialy k rannej istorii tyurkov. IV. Obrazovannost' v epokhu runicheskogo pis'ma [Materials for the Early History of the Turks. IV. Education in the Runic Era]// Rossijskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. № 4. P. 99–117. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 2001a. Smena mirovozzreniya v Yuzhnoj Sibiri v rannem srednevekov'e (Idei edinobozhiya v enisejskikh nadpisyakh) [Change in Worldview in Southern Siberia in the Early Middle Ages (Ideas of Monotheism in Yeniseian Inscriptions)]. Drevnie tsivilizatsii Evrazii. Istoriya i kul'tura [Ancient Civilizations of Eurasia: History and Culture]. Moskva: Vostochnaya literatura RAN. P. 243–270. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 2001b. «Dobro sotvoriv, poseyat' chelovechnost'» (Manikhejskie missionery u verшин Altaia) [«Having done good, sow humanity» (Manichaean missionaries at the peaks of Altai)]. Srednevekovye drevnosti evrazijskikh stepej (Arkheologiya vostochnoevropejskoj lesostepi, vyp. 15) [Medieval antiquities of the Eurasian steppes (Archaeology of the Eastern European forest-steppe, issue 15)]. Voronezh: Voronezhskij GU. P. 111–129. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 2002. Pamyatniki runicheskoy pis'mennosti Gornogo Altaia. Uchebnoe posobie [Monuments of runic writing in Gorny Altai. A textbook]. Gorno-Altajsk: Univer-Print. 164 p. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 2003. Novosti tyurkskoj runologii. Vyp. I. Enisejskie nadpisi na gore Yalbak-Tash (Gornyj Altaj) [News of Turkic runology. Issue 1. Yeniseian inscriptions on Mount Yalbak-Tash (Gorny Altai).]. Moskva: Gumanitarij. 112 p. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 2004. Udal' vityazya i blagochestie popa (Shakhanshakh Varakhran I, prorok Mani i runicheskie nadpisi gory Del-ula v Mongolii) [The Boldness of a Knight and the Piety of a Priest (Shahanshah Varahran I, the Prophet Mani, and the Runic Inscriptions of Mount Del-ula in Mongolia)]. Pamyatniki arkheologii i drevnego iskusstva Evrazii [Monuments of

archeology and ancient art of Eurasia]. M.: Institut arkheologii RAN. P. 104–122. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 2005. Talasskie naskal'nye nadpisi [Talas Rock Inscriptions]. Rossijskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. № 2. P. 46–55. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 2013a. Runicheskoe pis'mo na skalakh: sibirskie korni obryada i ego rasprostranenie v Srednej Azii [Runic Writing on Rocks: Siberian Roots of the Ritual and its Spread in Central Asia]. Kul'turnyj transfer na perekrestkakh Tsentral'noj Azii: do, vo vremya i posle Velikogo Shelkovogo puti [Cultural Transfer at the Crossroads of Central Asia: Before, During, and After the Silk Road]. Parizh; Samarkand: IICAS. P. 116–121. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 2013b. Enisejskaya runicheskaya nadpis' s iranskim zaimstvovaniem [Yeniseian Runic Inscription with Iranian Borrowings]. Sogdijtsy, ikh predshestvenniki, sovremenniki i nasledniki. Na osnove materialov konferentsii «Sogdijtsy doma i na chuzhbine», posvyashchennoj pamyati Borisa Il'icha Marshaka (1933-2006). Trudy GE. T. LXII [Sogdians, their predecessors, contemporaries, and successors. Based on the materials of the conference "Sogdians at home and abroad," dedicated to the memory of Boris Ilyich Marshak (1933-2006). Proceedings of the State Hermitage Museum. Vol. LXII]. SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. P. 266–294. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 2014. Religioznaya priroda enisejskoj pis'mennosti. II [The Religious Nature of the Yeniseian Writing. II]. Rossijskaya tyurkologiya [Russian Turkology]. № 1. P. 52–61. [in Russian]

Kyzlasov I. L., 2020. Sovremennye osnovy tyurkskoj runologii [Modern Foundations of Turkic Runology]. Turkic Studies Journal. Nur-Sultan. № 2. P. 6–14. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 2021a. Kornii bashkirskoj geraldiki: aristokratische tamgi tyurkskikh gosudarstv rannego srednevekov'ya [The Roots of Bashkir Heraldry: Aristocratic Tamgas of the Turkic States of the Early Middle Ages]. Bashkiry v kontekste mezhdistiplinarnykh issledovanij tyurkskikh narodov Evrazii: Materialy nauchnoj sessii po etnicheskoj istorii i antropologii bashkir [Bashkirs in the Context of Interdisciplinary Studies of the Turkic Peoples of Eurasia: Proceedings of the Scientific Session on the Ethnic History and Anthropology of the Bashkirs]. Ufa: Samrau. P. 254–267. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 2021b. Runicheskie pis'mena Sibiri. Rasskazy arkheologa [Runic Scripts of Siberia. Stories of an Archaeologist]. M.; Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 160 p. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 2022a. Pochitanie voennoj aristokratii v rannem srednevekov'e: svidetel'stva posleduyushchego poseshcheniya tyurkskikh memorialov [Veneration of the Military Aristocracy in the Early Middle Ages: Evidence of Subsequent Visits to Turkic Memorials]. Evrazijskaya stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. Materialy V mezhdunar. kongressa arkheologii evrazijskikh stepej [Eurasian Steppe Civilization: Man and the Historical and Cultural Environment. Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Eurasian Steppes. In 5 vol.]. Almaty; Turkestan: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana. V. 3. P. 15–27. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 2022b. Okamenevshie vityazi i mif tvoreniya [Petrified Knights and the Creation Myth]. Stepnye miry v zerkale arkheologii. Sbornik statej, posvyashchennyj 70-letiyu uchenogo-arkheologa M.K. Khabdulinoj [Steppe Worlds in the Mirror of Archaeology. A collection of articles dedicated to the 70th anniversary of archaeologist M.K. Khabdulina]. Nur-Sultan: IP ARD-Print. P. 223–235. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 2025a. Severnoe manikheystvo Yuzhnoj Sibiri i Tsentral'noj Azii. Kniga 1.

Pervyj manikhejskij khram Sibiri [Northern Manichaeism of Southern Siberia and Central Asia. Book 1. The First Manichaean Temple of Siberia]. Moskva: Institut arkheologii RAN. 310 p. [in Russian]

Kyzlasov I.L., 2025b. Vydelenie zemel' dlya manikhejskikh monastyrej i khramov (Novoe prochtenie 7 stroki Sudzhinskoj stely) [Allocation of Lands for Manichaean Monasteries and Temples (A New Reading of Line 7 of the Sudzhin Stele)]. Povорот na Vostok. Sbornik statej k 70-letiyu R.M. Valeeva [Turn to the East. Collection of articles for the 70th anniversary of R.M. Valeeva]. SPb; Kazan': Art-Ekspress. P. 490–521. [in Russian]

Kyzlasov L.P., 1960. Novaya datirovka pamyatnikov enisejskoj pis'mennosti [New Dating of Yeniseian Written Monuments]. Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. № 3. P. 93–120. [in Russian]

Kyzlasov L.R., 1965. O datirovke pamyatnikov enisejskoj pis'mennosti [On the Dating of Yeniseian Written Monuments]. Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. № 3. P. 38–49. [in Russian]

Kyzlasov L.R., 1969. Istoriya Tuvy v srednie veka [History of Tuva in the Middle Ages.]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 212 p. [in Russian]

Kyzlasov L.R., 1981. Tyukhtyatskaya kul'tura drevnikh khakasov (IX–X vv.) [The Tyukhtyaty Culture of the Ancient Khakass (9th–10th Centuries)]. Arkheologiya SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya [Archaeology of the USSR. The Eurasian Steppes in the Middle Ages] M.: Nauka. P. 54–59, 101, 144–146. fig. 33, 34. [in Russian]

Kyzlasov L.R., 1984. Istoriya Yuzhnoj Sibiri v srednie veka [History of Southern Siberia in the Middle Ages]. Moskva: Vysshaya shkola, 167 p. [in Russian]

Kyzlasov L.R., 1998. Severnoe manikhejstvo i ego rol' v kul'turnom razvitii narodov Sibiri i Tsentral'noj Azii [Northern Manichaeism and its Role in the Cultural Development of the Peoples of Siberia and Central Asia]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya [Moscow University Bulletin. Series 8. History]. № 3. P. 8–35. [in Russian]

Kyzlasov L.R., Kyzlasov I.L., 1994. Novyj etap razvitiya enisejskoj pis'mennosti (konets XIII – nachalo XV v.) [A New Stage in the Development of Yeniseian Writing (Late 13th – Early 15th Centuries)]. Rossijskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. № 1. P. 33–50. [in Russian]

Litvinskij B.A., Smagina E.B., 1992. Manikhejstvo [Manichaeism]. Vostochnyj Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e. Etnos, yazyki, religii [Eastern Turkestan in Antiquity and the Early Middle Ages. Ethnicity, Languages, Religions]. M.: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury. P. 508–532. [in Russian]

Malov S.E., 1952. Enisejskaya pis'mennost' tyurkov [Yenisei Writing of the Turks.]. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR. 116 p. [in Russian]

Malov S.E., 1959. Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti Mongolii i Kirgizii [Monuments of Ancient Turkic Writing in Mongolia and Kyrgyzstan]. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR. 111 p. [in Russian]

Melioranskij P.M., 1899. Pamyatnik v chest' Kyul'-Tegina [Monument in Honor of Kul-Tegin]. Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society]. V. XII. Iss. II-III. SPb. P. 1–144. [in Russian]

Nikitin A.B., 1992. Khristianstvo [Christianity]. Vostochnyj Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e. Etnos, yazyki, religii [Eastern Turkestan in Antiquity and the Early Middle Ages. Ethnicity, Languages, Religions]. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury.

P. 533–550. [in Russian]

Radlov V.V., 1892. Atlas drevnostej Mongolii. Vyp. 1 [Atlas of Mongolian Antiquities. Issue 1]. Trudy Orkhonskoj ekspeditsii [Works of the Orkhon Expedition]. SPb.: Tipografiya Imp. Akademii Nauk. Tabl. I-LXX + [14 p.]. [in Russian]

Sartqozhayly Q., 2019. Orkhon eskertkishteriniń tolyq atlası. T. I. [Orkhon eskertkishterinin tolyk atlası.] Almaty: Samga Press. 509 c. [In Kazakh].

Stebleva I.V., 1963. Poeziya orkhono-enisejskikh tyurok [Poetry of the Orkhon-Yenisei Turks]. Narody Azii i Afriki [Peoples of Asia and Africa]. № 1. P. 148–161. [in Russian]

Stebleva I.V., 1965. Poeziya tyurkov VI–VIII vekov [Poetry of the Turks of the 6th–8th centuries]. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury. 148 p. [in Russian]

Stebleva I.V., 1976. Poetika drevnetyurkskoj literatury i ee transformatsiya v ranneklassicheskij period [Poetics of Ancient Turkic Literature and Its Transformation in the Early Classical Period.]. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury. 214 p. [in Russian]

Stebleva I.V., 2007. Zhizn' i literatura doislamskikh tyurkov. Istoriko-kul'turnyj kontekst drevnetyurkskoj literatury [Life and Literature of Pre-Islamic Turks. Historical and Cultural Context of Ancient Turkic Literature]. M.: Vostochnaya literatura. 208 p. [in Russian]

Stebleva I.V., 2012. Tyurkskaya poetika. Etapy razvitiya: VIII–XX vv. [Turkic Poetics. Stages of Development: 8th–20th Centuries]. M.: Vostochnaya literatura. 200 p. [in Russian]

Tenishev E.R., 1976. O naddialektnom kharaktere yazyka tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov [On the Supra-Dialectal Nature of the Language of Turkic Runic Monuments]. Turcologica. L.: Nauka. P. 164–172. [in Russian]

Tenishev E.R., 1979. Yazyki drevne- i srednetyurkskikh pamyatnikov v funktsional'nom aspekte [Languages of ancient and middle Turkic monuments in the functional aspect]. Voprosy yazykoznaniya [Questions of linguistics]. № 2. P. 80–90. [in Russian]

Tenishev E.R., 1988. Printsipy sostavleniya istoricheskikh grammatik i istorij literaturnykh tyurkskikh yazykov [Principles of compiling historical grammars and histories of literary Turkic languages]. Sovetskaya tyurkologiya [Soviet Turkology]. № 1. P. 67–78. [in Russian]

Tenishev E.R., 2005. Istoriya tyurkskikh pis'mennykh literaturnykh yazykov donatsional'noj pory [History of the Turkic written literary languages of the pre-national era]. Edgem Rakhimovich Tenishev. Zhizn' i tvorchestvo. 1921–2004 [Edgem Rakhimovich Tenishev. Zhizn' i tvorchestvo. 1921–2004]. M.: Insan. P. 78–91. [in Russian]

Clauson G., Tryjarski Ed., 1971. The Inscription at Ikhe Khushotu. Rocznik Orientalistyczny. V. XXXIV. z. 1. P. 7–33 + 6 pl.

Gabain A. von, 1964. Die alttürkische Literature. Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. Bd. II. P. 211–243. [in German]

Ramstedt G.J., 1913. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. Journal de la Société Finno-Ougrienne. XXX. 3. Helsingfors. P. 1–70. Paste. [in German]

Сведения об авторе:

Кызласов Игорь Леонидович, доктор исторических наук, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Институт археологии Российской академии наук, 117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация.

Scopus ID: 57191727444

Автор туралы мәлімет:

Кызласов Игорь Леонидович, тарих ғылымдарының докторы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің құрметті профессоры, Ресей ғылым академиясының Археология институты, 117292, Дм. Ульянов көш., 19, Мәскеу, Ресей Федерациясы.

Scopus ID: 57191727444

Information about author:

Kyzlasov Igor Leonidovich, Doctor of Historical Sciences, Honorary Professor of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 117292, 19 Dm. Ulyanov Str., Moscow, Russian Federation.

Scopus ID: 57191727444

Conflict of Interest.

There is no conflict of interest related to this article.

Мүдделер қақтығысы.

Мақалаға байланысты мүдде қақтығысы жоқ.

Конфликт интересов.

Нет конфликта интересов, связанного со статьей.